

УДК 821.161.1.09

**ПОЛИТИКА, ЛИТЕРАТУРА И ГЕНДЕР В ТВОРЧЕСТВЕ
П. А. ВЯЗЕМСКОГО**

Н. Н. Козлова

Тверской государственной университет
кафедра политологии

Автор исследует эволюцию социально-политических взглядов П. А. Вяземского, рассматривает принцип патриархальности социально-политического порядка как основополагающий в мировоззрении Вяземского.

Ключевые слова: консерватизм, патриархальный порядок, гендер, андроцентризм.

Пётр Андреевич Вяземский (1792 – 1878), представитель смоленской ветви князей Рюриковичей, потомок по прямой линии Владимира Мономаха [1, с. 5; 12, с. 7], известен как крупнейший представитель русской литературы и общественности первой половины XIX столетия, писатель-патриот, арзамасец, корреспондент и пропагандист творчества Пушкина [3, с. 719–720; 8, с. 36; 13, с. 201]. Если литературными кумирами молодого Вяземского являлись В. А. Жуковский и В. Л. Пушкин, то его общественно-политические взгляды формировались под непосредственным влиянием Н. М. Карамзина, который после смерти родителей стал наставником и покровителем Петра Андреевича.

В своём творчестве П. А. Вяземский рассматривал проблемы социально-политического развития России. За долгий и сложный жизненный путь, который начался в 1810-е и закончился в 1870-е годы, он пережил несколько крутых «сломов» [10, с. 7], что отразилось на эволюции его общественно-политических взглядов. По мнению В. Нечаевой, князь пережил три поколения культуры и в конце жизни ощутил «несозвучие с эпохой, в которую ему пришлось жить», осознал своё одиночество и отделенность от общества [16, с. 9].

Одни исследователи творчества Вяземского считают, что князь в течение жизни изменил свои политические взгляды, ориентируясь в молодости на либеральные идеи, а в с старости «кое-где круто уклонился вправо» [1, с. 211–213]. Другие, в частности П. В. Акульшин, полагают, что Вяземский всегда исповедовал консервативный реформизм: продолжая традиции просвещенного абсолютизма XVIII века, Пётр Андреевич пытался увязать реформы государственного строя и отмену крепостного права с сохранением внутренней стабильности и статуса России как великой европейской державы [1, с. 35–36].

Относительно раннего этапа творчества Вяземского существенных разногласий между исследователями нет: большинство из них высказывает мнение, что в 1810 – 1820-х годах у Вяземского была репутация вольнодумца

[13, с. 211]. Л. Я. Гинзбург писала, что Вяземский принадлежал к той прослойке, которая считала себя «солью русской земли», и с гордой уверенностью смотрела в будущее: в нём сочетались традиции русского вольтерьянства, просветительской философии с патриотическим воодушевлением периода наполеоновских войн [9, с. 9]. Сам Вяземский писал по этому поводу: «До 1817 года был я не замечен правительством. Тёмная служба, пребывание в Москве хранили меня в неизвестности. В то время не было еще хода на слово либерал, и потому мои тогдашние шутки, эпиграммы пропадали так же невинно, как и невинно были распускаемы» [2, с. 112].

Занятие литературой Вяземский считал важной социально-политической функцией. «Лучшее средство для достижения пользы – действовать на общее мнение, исправлять его, образовывать язык, прихотить к нему женщин и, наконец, дать состоянию писателей законное существование» – писал Вяземский в произведении «Мой сон о русском журнале» [4, с. 13]. Через журнальные публикации писатель-дворянин мог давать советы царю, что, по мнению Л. Я. Гинзбург, и являлось идеалом молодого князя [9, с. 31]. Его вольнодумские настроения отразились в ряде стихотворений, среди которых исследователи его творчества выделили «Петербург» и «Негодование» [16, с. 25].

Либерализм поэта проявился также в критике политики Александра I: в письмах к друзьям из Варшавы Вяземский писал о кошмаре крепостничества, о невыносимости политического бесправия, о гнусности придворного лакейства [8, с. 13]. Молодой Вяземский называл представителей власти, судей, членов правительства «наемной сволочью», «образованной и упитанной гнилью», «уродливым наростом на теле России» [4, с. 405] и высказывался в пользу конституционализма и представительных органов [4, с. 383, 390–391].

Анализируя творчество Вяземского, Л. Я. Гинзбург рассматривает 1819–21 годы как наиболее оппозиционный период его жизнедеятельности, называя князя «народным трибуном» [9, с. 31]. П. В. Акульшин же высказывает мнение, что не следует преувеличивать радикальность взглядов Вяземского, так как под конституцией он понимал не ограничение монархической власти, а юридическое упорядочивание отдельных элементов государственного управления [1, с. 14–15]. Тот факт, что Вяземский всегда оставался сторонником определённой правительственной системы, а не воинствующим представителем определённого политического воззрения, организующего своих последователей в борющуюся политическую партию [13, с. 237], доказывает сложные отношения князя с декабристами. Ю. М. Лотман считает, что «Вяземский тянулся к молодым радикальным общественно-политическим деятелям, а они в свою очередь активно привлекали Вяземского к сотрудничеству» [15, с. 126–127]. В то же время он осуждал оппозицию как бесплодное и пустое ремесло, тяготел только к легальным формам борьбы, а потому отказался от участия в формальной организации [11, с. 18]. Н. Кутанов отмечает, что молодой князь полагал революцию не дворянским делом, а задачей низших классов, и потому назвал Вяземского «декабристом без декабря», без революции [13, с. 285–289]. С. С. Ланда определяет специфику социально-политических взглядов князя следующим образом: «Сам Вяземский был далек от того, чтобы насильственными мерами обуздывать

самодержавного недоросля и ограничивать его власть строгими границами законности; самое большое, что он мог сделать <...> – это полная ирония, гнева и сарказма обличительная критика, которая должна была будить общественное мнение, вызывать нравственное негодование и тем самым понуждать самодержавие вступать на путь конституционных преобразований» [14, с. 212, 220]. Выражая противоречие во взглядах Вяземского 1820-х годов между резкостью антиправительственных высказываний и умеренностью его политических идей, В. Нечаева пишет: «Вяземский имел архаичные, почти феодальные воззрения на русскую действительность и оказался певцом декабризма» [16, с. 24].

В середине 1820-х годов Вяземский свои вольнодумные идеи выражал в журнале «Московский телеграф» Н. А. Полевого и в своих «Записных книжках». Однако после конфиденциального назидательно-уведомительного письма, написанного по указанию Бенкендорфа и одобренного Николаем I, Вяземский пошёл на перемирие с властью. В 1929 году появилась адресованная императору Николаю I «Записка о князе Вяземском, им самим составленная», более известная под названием «Моя исповедь», которую М. И. Гиллельсон назвал «ценным памятником русской общественной мысли» и «обвинительным актом, осуждавшим русское самодержавие» [7, с. 178].

В начале 1830-х годов Вяземский порвал с Н. А. Полевым и стал сотрудником «Литературной газеты» А. А. Дельвига и позднее – «Современника» А. С. Пушкина. Исследователи творчества Вяземского отмечают, что «политические инвективы князя не слабеют – они только хоронятся в записных книжках, в письмах к друзьям», и его отношение к Николаю I остаётся «неизменно отрицательным» [7, с. 296; 13, с. 283]. «Никто не сможет отрицать, что вопрос о рабстве является у нас наиболее важным вопросом, – писал Вяземский. – При рабстве... можно допустить право помещика взыскивать с крепостных своих подати деньгами или натурою и промышленностью, свойственными их назначению и включенными в круг действия им сродного, и наказывать за неисполнение таковых законных обязанностей. Но обеспечить законною властью и сумасбродные прихоти помещика, который хочет, чтобы его рабы плясали, пели, ломали комедь без дарования, без охоты, есть уродство гражданское, и оно должно бы прекращаемо начальством, предводителями, как злоупотребление власти» [4, с. 398, 416]. Основные проблемы социально-политического развития России, по мнению Вяземского, заключается в отсутствии связи народа с властью.

П. В. Акульшин выделяет в воззрениях Вяземского два вида власти: народную, при которой между правителем и народом существует единство выгод и воли, и тиранию, при которой разные выгоды и воли противоположные друг другу. Вяземский стремился осуществить в России первый тип власти, считая обязанностью государства обеспечение имущества, жизни и свободы каждого члена [1, с. 15]. «Правительство способно к авантюрам, оно нетерпеливо, непостоянно, оно – новатор и разрушитель. Либо оно погружено в апатический сон в ничего не предпринимает, что бы отвечало потребностям и желаниям момента, либо оно пробуждается внезапно, как бы от мушиного укуса, разбирает по своему произволу один из жгучих вопросов»,

– писал мыслитель [4, с. 415]. Поэтому он считал российское правительство революционной силой, а нацию – консервативной силой, которая выправляет произведенные правительством плохие мероприятия и беспорядки без протеста, не признавая их. Отсюда Вяземский выводил и этимологию слова «самодержавие»: «Все само собою держится: при действии одних людей все рушилось бы давным-давно» [4, с. 415].

В 1840-е годы начинается новый этап развития общественно-политической мысли, отмеченный дискуссиями западников и славянофилов [9, с. 25]. Исследователи считают, что конец 1840-х и последующие годы пришлось Вяземскому «не по плечу», так как он не сочувствовал новым движениям, а его «проблемы умирали» [12, с. 274]; печать с вопросами о материализме, женском равноправии, нигилизме, дарвинизме вызывала ядовитые отклики Вяземского [16, с. 36].

В. Нечаева называет позднего Вяземского «консерватором до мозга костей», в котором отразилось «крайнее выражение идеологии уходящего класса» [16, с. 37]. Тяжелые уроки жизни, смерти детей и друзей, революции, охватившие Европу, политика Николая I – все это привело его в мрачное старческое состояние и к отречению от либерализма [16, с. 43; 8, с. 33–36].

В этот период Вяземский пересмотрел свои взгляды на политику Александра I. Он оправдывал императора, который хотел быть преобразователем, но внешние обстоятельства (война с Наполеоном) отвлекали «Государя от домашнего очага и домашнего хозяйства» [4, с. 355]. Вяземский всё ещё выступал за отмену крепостного права, но уже констатировал тот факт, что крестьянский вопрос некому решать: «У нас нет ни одного государственного человека в силах приступить к нему» [4, с. 415].

С годами примирение Вяземского с правительством становилось всё прочнее, по выражению Л. Я. Гинзбург, он «укреплялся на охранительных позициях» [9, с. 45]. Александр II пожаловал ему высший чин члена Государственного Совета. Эволюция общественно-политических взглядов Вяземского в последующие десятилетия привела к ослаблению гражданской тематики в его произведениях: он отошёл от критики и писал мемуары. Его творчество развивалось по двум линиям – отрицание и неприятие настоящего и идеализация дворянского прошлого.

В период возникновения «женского вопроса», в 1850-е годы, Вяземский принял участие в «повсеместном споре об уравнивании прав и деятельности между прекрасным полом и полом некрасивым» [6], свидетельствующем о его консервативных установках. Вяземский назвал «женский вопрос» диалектической гимнастикой [6]. Князь как носитель патриархальных установок приветствовал только частную жизнь женщин: «Но все же настоящее, природою указанное, святое место женщины есть дом, есть семейный очаг, будь она мать, дочь или сестра. Внешняя, шумная, боевая, деловая жизнь, многосложная деятельность, можно сказать, несовместна с призванием женщины, даже недостойна ее; в скромном и светлом призвании она выше, независимее, свободнее, нежели будет она на искусственных и завоеванных ею подмостках» [5, с. 365].

Патриархатное мировоззрение Вяземского наиболее полно можно проследить в таких произведениях, как «Старое поколение», «Фонвизин»,

«Московское семейство старого быта», «Князь Андрей Борисович Вяземский», «Князь Пётр Борисович Козловский», в которых автор стремился воссоздать атмосферу XVIII века. По мнению Л. В. Дерюгиной, Вяземский в старости взял на себя роль путеводителя по России ушедшей, описывая в своих статьях главные черты ее топографии, человеческие типы и обычаи [10, с. 41].

В произведении «Московское семейство старого быта» автор отстаивал ценности патриархальной семьи, полагая, что данный социальный институт является ячейкой общества. «Семейное начало есть почва, есть основа, на которой зиждется и общественное» [5, с. 374]. Прежде всего, князь стремится показать бесконфликтный «благодушный, светлый» мир большой патриархальной семьи, которой руководит «родоначальник многоколенного потомства Оболенских» [5, с. 363, 365] князь Петр Александрович Оболенский. Для Вяземского принципиально важно было отметить, что князь не подстраивался под требования времени, не менял своих привычек, не следовал моде, «уклонялся от общества», был «безвыходным домоседом», а «дома занимался он чтением русских книг и токарным мастерством» [5, с. 364–365].

Секрет счастливой семейной жизни Оболенский, автор видел в жене князя – Екатерине Андреевне Вяземской. «О подобной женщине молчать не стоит», – считал Вяземский [5, с. 365]. Начиная с описания внешних качеств, он стремится подчеркнуть в княгине особую женскую породу: «Несмотря на совершение своих двадцати женских подвигов, княгиня была и в старости, и до конца своего бодра и крепка, роста высокого, держала себя прямо, и не помню, чтобы она бывала больна. Таковы бывали у нас старосветские помещицы сложения» [5, с. 365]. Вяземский демонстрирует незначимость образования женщин для выполнения ими семейных ролей: «Безо всякого приговорительного образования, была она ума ясного, положительного и твердого» [5, с. 365]. Как показал автор, муж для ней был авторитетом, экспертом в политических вопросах, и в случае необходимости она обращалась к нему за консультацией [5, с. 366].

В то же время автор утверждал, что «в семействе и в хозяйстве княгиня была князь и домоправитель, но без малейшего притязания на это владычество» [5, с. 364]. По мнению автора, внутренняя сила «почерпала свое законное, освященное, любвеобильное начало в одном чувстве, чувстве семейной связи; в одном имени, в одной власти: имени и власти матери» [5, с. 370]. Вяземский утверждал самостоятельность женщины-матери в принятии семейных решений, наличие у неё неформальной власти и значительных полномочий, что позволяло матери заботиться обо всех членах этой многопоколенной семьи: «Будничный обеденный стол был уже порядочного размера, а праздничный вырастал вдвое и втрое. Особенно в летние и осенние месяцы, в подмосковной, эта семейная жизнь принимала необыкновенные размеры и характер» [5, с. 365]. Разрастание семьи в результате заключения детьми Оболенских браков не нарушало единство ячейки общества, и «после некоторого времени, более или менее краткого или продолжительного, и мужья, вошедшие в семейство, и жены, в него поступившие, казалось, также искони урожденными Оболенскими... все были чада одной семьи, все свои, все однородные» [5, с. 366].

Процесс ассимиляции, как называл его Вяземский, был бы желателен и для политической жизни: «Политике можно бы позавидовать, глядя на это само собою, тихо и будто бессознательно совершавшееся перерождение отдельных частных и личностей, всецело, сердцем и обычаями, примыкавших к господствующему единству» [5, с. 367].

Альтернативы патриархальной семье Вяземский не видел: «Если признавать семью, то надобно же кому-то оставаться дома; а когда жена, подобно мужу, будет обязана отправляться на службу, на работу, к должности, то кто же останется представителем и ответственным лицом семейного дома, семейного начала?» [5, с. 374]. Таким образом, семья, по мнению Вяземского, являлась не только местом обитания женщины-матери, но и её работой, сферой её ответственности. Неформальный матриархатный гендерный порядок в семье был замаскирован надстроенным над ним патриархатным порядком, в котором поддерживалось строгое разделение отцовских и материнских ролей при их относительном равновесии.

Итак, гендерный и политический порядки в произведениях Вяземского являются изоморфными друг другу и базируются на одних и тех же принципах патриархальности, патриархатности и андроцентризма. Обращённость «умом и сердцем» в прошлое [11, с. 26], тяготение к эпохе Екатерины II и людям этого поколения [16, с. 17], с одной стороны, и скептицизм старой вольтерьянской закваски [11, с. 27], либерализм «дней Александровых прекрасного начала» [13, с. 284], с другой, привели Вяземского к пониманию необходимости в России установления «мягкого» режима ограниченной монархии. Незыблемость самодержавия предполагала опору на патриархальную семью, построенную на авторитете власти отца. Если власть государя ограничивалась такими противовесами, как мораль, узко понимаемые князем конституция и представительные институты, общественное мнение, то власть отца была ограничена самостоятельностью и широкими полномочиями в организации семейного быта матери. Сосуществование в семье двух гендерных порядков, надстроенность патриархатного режима над матриархатным в системе соподчинённости не предполагали взаимозаменяемости семейных ролей и обеспечивали целостность и единство семьи, которые Вяземский рассматривал как идеальные принципы политической системы.

В итоге как семейная, так и политическая организация не предполагали равенства прав их участников. Равенство женщин и мужчин представлялось ему на практике нереализуемым, противоречащим законам природы, угрожающим существованию семьи и разрушению авторитета власти. Таким образом, предложенные социально-политические идеи незначительно модернизировали бы сложившуюся в России патриархальную систему общественных отношений.

Список литературы

1. Акульшин, П. В. Петр Андреевич Вяземский [Текст] / П. А. Вяземский // Избранное / П. А. Вяземский ; сост., автор вступ. ст. и коммент. П. В. Акульшин – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 5–36.

2. Вяземский, П. Записные книжки [Текст] / П. Вяземский ; сост., вступ. ст., коммент. и имен. указ. Д. П. Ивинского. – М. : Русская книга, 1992. – 384 с.
3. Вяземский, П. А. [Текст] // Энциклопедический словарь : изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – СПб. : Типо-литография И. А. Ефрона, 1892. –Т.7/14. – С. 719–720.
4. Вяземский, П. А. Избранное [Текст] / П. А. Вяземский ; сост., автор вступ. ст. и коммент. П. В. Акульшин. – М. : РОССПЭН, 2010. – 496 с.
5. Вяземский, П. А. Эстетика и литературная критика [Текст] / П. А. Вяземский. – М. : Искусство, 1984. – 458 с.
6. Вяземский, П. А. Современные темы, или Канва для журнальных статей [Текст] / П. А. Вяземский. – Режим доступа : http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0910.shtml. – Дата обращения : 23.12.2012. – Загл. с экрана.
7. Гиллельсон, М. И. Вяземский П. А. : Жизнь и творчество [Текст] / М. И. Гиллельсон. – Л. : Наука, 1969. – 391 с.
8. Гиллельсон, М. И. Пётр Андреевич Вяземский [Текст] / П. А. Вяземский // Сочинения : в 2 т. / П. А. Вяземский – М. : Худ. лит., 1982. – Т. 1. – С. 5–36.
9. Гинзбург, Л. Я. Вступительная статья [Текст] / П. А. Вяземский // Стихотворения / П. А. Вяземский ; сост., подг. текста и примеч. К. А. Кумпан. – Л. : Сов. писатель, 1986. – С. 5–51.
10. Дерюгина, Л. В. Эстетические взгляды П. А. Вяземского [Текст] / Л. В. Дерюгина // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. – М. : Искусство, 1984. – С. 7–42.
11. Ивинский, Д. П. П. А. Вяземский и его записные книжки [] / Д. П. Ивинский // Записные книжки / П. А. Вяземский ; сост., вступ. ст., коммент. и имен. указ. Д. П. Ивинского. – М. : Русская книга, 1992. – С. 5–30.
12. Кульман, Н. К. Князь Пётр Андреевич Вяземский как критик [Текст] / Н. К. Кульман // Известия ОРЯС. – СПб., 1904. – Т. 9. – Кн. 1. – С. 273–335.
13. Кутанов, Н. Декабрист без декабря [Текст] / Н. Кутанов // Декабристы и их время. Тр. моск. и ленинград. секций по изучению декабристов и их времени : в 2 т. – М. : Изд-во Всесоюз. общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. – Т. 2. – С. 201–291.
14. Ланда, С. С. Дух революционных преобразований : Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825 [Текст] / С. С. Ланда. – М. : Мысль, 1975. – 381 с.
15. Лотман, Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов [Текст] / Ю. М. Лотман // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту, 1960. – Вып. 98. – С. 82–112.
16. Нечаева, В. С. Вяземский – поэт [Текст] / В. С. Нечаева // Вяземский П. А. Избранные стихотворения. – М., Л. : Academia, 1935. – С. 7–47.

**POLITICS, LITERATURE AND GENDER IN THE WORK OF
P. A. VYAZEMSKY**

N. N. Kozlova

Tver State University
The department of political science

The author examines the evolution of the social and political views by P.A. Vyazemsky, concludes the principle of patriarchal socio-political order as the fundamental worldview by Vyazemsky.

Key words: *conservatism, patriarchal order, gender, androcentrism.*

Об авторе:

КОЗЛОВА Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: n_s@pochta.ru